

Вадим Парсамов

Н. И. Тургенев и М. С. Лунин:

ДВА ВЗГЛЯДА НА ПРИРОДУ ДЕКАБРИЗМА

Vadim Parsamov

N.I. Turgenev and M.S. Lunin: Two Perspectives on the Nature of Decembrism

Вадим Парсамов

НИУ ВШЭ (Москва), профессор, ведущий научный сотрудник
parsamovvs@gmail.com.

Vadim Parsamov

HSE University, Professor, Leading Research Fellow
parsamovvs@gmail.com.

Ключевые слова: Декабризм, тайное общество, восстание, суд, следствие, оправдательные записки, политические сочинения

Keywords: Decembrism, secret society, uprising, trial, investigation, exculpatory notes, political writings

УДК: 63.3(2)52

DOI: 10.53953/08696365_2025_196_6_90

UDC: 63.3(2)52

DOI: 10.53953/08696365_2025_196_6_90

Декабризм как идейное течение представляет собой конструкт, создававшийся после восстания бывшими членами тайного общества, на основе «Донесения следственной комиссии». Полемика с «Донесением» велась в двух направлениях: юридическом и историческом. Первое было представлено Н.И. Тургеневым, который с опорой на европейский судебный опыт стремился доказать собственную невиновность, что на практике вело к отрицанию исторической роли всего движения. Второе — М.С. Луниным, который в своих сибирских сочинениях показал значение тайного общества декабристов в русской истории, состоящее в развитии оппозиционного течения в русской политике.

Decembrism as an ideological movement is a construct created after the uprising by former members of the secret society, based on the «Report of the Investigative Commission». The polemics with the «Report» were conducted in two directions: legal and historical. The first was presented by N.I. Turgenev, who, relying on European judicial experience, sought to prove his own innocence, which in practice led to the denial of the historical role of the entire movement. The second one was presented by M.S. Lunin in his Siberian writings showed the significance of the secret society of Decembrists in Russian history, consisting of the development of an opposition movement in Russian politics.

Связь между восстанием на Сенатской площади 14 декабря 1825 года и движением декабристов на первый взгляд столь очевидна, что вряд ли нуждается в каких-то уточнениях. Если и есть здесь какие-то неясности, то они касаются не самой связи, а ее характера.

Между тем, когда мы говорим о восстании и движении декабристов, мы имеем дело с принципиально разными явлениями. Восстание декабристов — это факт, имеющий фиксацию в определенном месте и в определенное время. Движение не имеет столь точной пространственно-временной определенности и является результатом текстуализации действительности¹. При этом сама

1 Историки постмодернистского толка, вероятно, будут утверждать, что и в случае восстания историк имеет дело не с событием как таковым, а с множеством его нарративов, за которыми невозможно увидеть реальность. Если рассматривать ход восстания в его временной протяженности, то, вероятно, нам действительно придется довольствоваться нарративами, описывающими отдельные фрагменты целого калейдоскопа событий. Но нас в данном случае восстание интересует именно как факт

текстуализация стала возможной только после восстания на Сенатской площади, и в этом отношении движение декабристов, как историческое явление, не предшествует восстанию, а является его дискурсивным следствием. Речь, разумеется, идет не об отдельных текстах, созданных до восстания усилиями членов тайных обществ, а о том, что без восстания эти тексты имели бы иную конфигурацию, включались бы в иные контексты, и, скорее всего, их констелляция не дала бы того, что мы теперь называем «движением декабристов», не говоря уже об отсутствии самих понятий «декабризм» и «декабристы».

Первые дискурсивные опыты по формированию представлений о сущности движения декабристов принадлежат тем, кого позже назовут декабристами, и их современникам. Эти опыты будут сильно различаться между собой, конфликтовать и опровергать друг друга, и попытка исследовать их в дихотомии «правда — ложь» изначально обречена на неудачу. Цель настоящей статьи заключается не в сравнении различных версий одной и той же исторической реальности, а в стремлении понять мотивы и намерения авторов этих дискурсов и исторические условия, в которых они были созданы.

Первой официальной версией декабристского движения стало «Донесение следственной комиссии», составленное Д.Н. Блудовым². Обстоятельства, в силу которых именно Блудов, бывший арзамасец и карамзинист, стал автором столь важного документа, хорошо известны³, и нет необходимости на них здесь останавливаться. Однако для того, чтобы понять его намерения, необходимо учитывать тот перелом, который произошел в его личной судьбе и в русском обществе после восстания декабристов.

Участники тех событий поделились на победителей и побежденных, и, соответственно, сочувствующих каждой из сторон. Блудов культурно и интеллектуально был связан со средой, к которой принадлежали и многие декабристы. Теперь ему, как пишет его биограф Ег. Ковалевский, «приходилось присутствовать при допросах людей, иных из которых он знал лично, с семействами других был в связи»⁴. При этом «Блудова никто не знал в комиссии, так как он всю жизнь свою вращался в другом кругу, при других занятиях, и если против него ничего не могли сказать, то смотрели на него недоверчиво, как на пришельца, мало знакомого с деловой частью новых занятий»⁵.

Восстание на Сенатской площади и последующее за ним назначение сделали Блудова чужим среди своих и своим среди чужих. Между тем Блудов хотел

того, что 14 декабря на Сенатскую площадь вышли известные нам по именам люди с целью государственного переворота.

2 *Готовцева А.Г., Киянская О.И.* Движение декабристов в государственной пропаганде 1825–1826 гг. // *Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы* / Отв. ред. О.И. Киянская. М.: РГГУ, 2008. С. 447–493.

3 *Ковалевский Ег.* Граф Блудов и его время (царствование Александра I). СПб.: В Типографии Второго отдела Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1866. С.167–180; *Рудницкая Е.Л., Тартаковский А.Г.* Вольная русская печать и книга барона Корфа // 14 декабря 1825 года и его истолкователи (Герцен и Огарев против барона Корфа) / Изд. подг. Е.Л. Рудницкая, А.Г. Тартаковский; отв. ред. А.Г. Тартаковский. М.: Наука, 1994. С. 27–32; *Калашников М.В.* Д.Н. Блудов — автор «Донесения Следственной комиссии» по делу декабристов // *Духовная сфера деятельности человека. Вып. V.* Саратов: Сигма-плюс, 2001. С. 96–113.

4 *Ковалевский Ег.* Указ. соч. С. 169.

5 Там же. С. 170

бы и остаться своим среди своих, и стать своим среди чужих. Это был человек золотой середины, избегавший крайностей как в литературе, так и в политике, либерал, чурающийся как революции, так и реакции. Работа над «Донесением» давала возможность, не особенно кривя душой, угодить императору. Но в то же время она не гарантировала сохранение дружеских отношений со всеми прежними друзьями, на что Блудов, вероятно, рассчитывал.

«Донесение следственной комиссии» — во всех отношениях любопытный документ. Это первая последовательно изложенная история декабристского движения, составленная на основе следственных дел и объединенная общей концепцией, строящейся на ретроспективном взгляде на историю тайных обществ как историю подготовки царевубийства и вооруженных восстаний, представляющих собой «смесь зверства и легкомыслия». Лейтмотивами в блудовской характеристике членов тайных обществ являются слова и словосочетания с ярко негативной семантикой: *злоумышление, зловредные начала, зломыслие, ков мятежников, преступные умыслы, злодейские, страшные умыслы, преступное усердие, буйство, безумная злоба мятежников, преступные ковы* и т.д. События на площади 14 декабря, по словам Блудова, были означены, с одной стороны, «буйством немногих», а с другой, «знаками общего усердия, нелицемерной преданности к престолу»⁶. При этом подчеркивается «нетерпеливость страстей и ничтожность средств» «злодеев», так и не сумевших ниспровергнуть престол и разрушить *порядок и закон*. «Они сами были ослеплены своими вымыслами и лишь в минуты, назначенные для совершения предприятия, узнавали свою слабость» (XVII, 37).

Все, о чем говорить в «Донесении», взято из следственных дел. Характеристики участников движения и умозаключения автора почти всегда строятся на тех оценках, которые сами декабристы давали друг другу и всему движению в целом. Это давало возможность Блудову выставить участников движения в том виде, в каком они предстали перед следственной комиссией. Раскаяние в преступлении — основной мотив показаний многих декабристов на следствии. Свое вступление в общество Трубецкой приписывает «слабости своего нрава и бедственной самонадеянности» (I, 34) и пытается уверить следствие, что «действовал против моего сердца, против моих правил, против всего что есть святого» (I, 27). А. Бестужева, по его словам, в тайное общество «завлекло воображение, язык» и «намерения, которые взошли в шатком уме и которых чуждалось мое сердце» (I, 436). Каховского «заблуждения и пылкость сделали злодеем» (I, 377). Одоевский «поступил, как молодой, сумасшедший человек» (II, 247). Причины, побудившие А.Н. Муравьева вступить в общество, были «повреждение сердца, неопытность, суетное честолюбие, неверие и глубокое невежество» (III, 17).

Часто подследственные признавали свою вину и каялись в том, чего не совершали, а имели лишь намерения и вели разговоры. Отсутствие законов, или как минимум полное непонимание, чем будут руководствоваться судьи, заставляло большинство подследственных смотреть на свое положение с нравственной, а не юридической стороны и полагаться не на справедливый суд, а на монаршую милость. Трубецкой рассчитывал «чистосердечным признанием и откровением доказать <...> сколько он чувствует всю великость вины

6 Восстание декабристов. Т. 17. М.: Наука, 1980. С. 57. (Далее ссылки на это издание в тексте с указанием римскими цифрами тома, арабскими — страницы.)

своей и все благодеяния Государя своего» (I, 46). Одоевский колебался между нравственным обвинением себя перед лицом государя и пониманием собственной юридической невинности. В показаниях от 21 декабря он писал:

Неисповедима воля Господня; и может быть, неисчерпаемы и кротость и милосердие Государя. Еще я не погиб; но ежели мне суждено погибнуть, да исполнится воля Царя! Если же единым своим оживотворяющим словом воскресит он меня, то я уверен в себе, что мою беспредельную благодарностью и искреннее раскаяние и целою жизнью изглажу я свою вину. Раскаяние — всё перед Богом; я уверен, что оно — много и пред Государем (II, 249).

А спустя неделю он утверждает:

Решительно могу сказать, что я только знал о существовании общества, которое почитал я химерною, ибо я согласия на вступление никогда не давал, и никаких документов не знаю: и я твердо уверен, что чем более будут разбирать это дело, тем более уверятся, что нет против меня никаких доказательств в участии, или в каких-либо действиях в пользу общества (II, 252).

Отсутствие действий, которые могли бы стать, но не стали следствием «преступных» разговоров, давало надежду на освобождение или на минимальное наказание. Так, например, Пестель, утверждая, что «от Суждений до Совершений весьма далеко» (IV, 159), полагал максимальным для себя наказанием — увольнение со службы⁷. С.И. Муравьев-Апостол, поднявший восстание Черниговского полка, рассчитывал в качестве наказания быть отправленным в какую-нибудь дальнюю экспедицию⁸.

На юридическом решении дела настаивал П.А. Муханов, обвиняемый в устно высказанном намерении убить Николая I, чтобы освободить арестованных участников восстания:

Законы различают преступление — от подозрения, покушение — от дерзких слов. А нет сомнения, что никто не может представить тех ясных и удовлетворительных доказательств, требуемых законом, чтобы я когда-либо участвовал в покушении или сам имел сие гнусное намерение <...>. Можно ли мой разговор ставить в связи злонамеренных действий и тем заставлять меня быть причастным всем действиям общества, когда по справедливости, я не могу быть прикосновенным и к одному? (III, 172).

Между тем следственная комиссия решила вопрос довольно просто, поставив знак равенства между признанием вины и ее доказательством. Виновными оказались и те, кто каялся, и те, кто не каялся, но против кого были даны показания их товарищами. Как писал Блудов, комиссия «основанием своих за-

7 В письме к генерал-адъютанту А.И. Чернышеву Пестель писал: «Я знаю хорошо, что не могу остаться на службе...» (IV, 126).

8 25 января он писал Николаю I: «Я бы осмелился ходатайствовать перед вашим величеством об отправлении меня в одну из тех отдаленных и рискованных экспедиций, для которых ваша обширная империя представляет столько возможностей — либо на юг, к Каспийскому и Аральскому морю, либо к южной границе Сибири, еще столь мало исследованной, либо, наконец, в наши американские колонии. Какая бы задача ни была на меня возложена, по ревностному исполнению ее ваше величество убедитесь в том, что на мое слово можно положиться» (IV, 263).

ключений почти всегда полагала признание самих подозреваемых или бумаги, ими писанные» (XVII, 24). Важно учитывать, что «Донесение» было опубликовано до вынесения приговора, когда еще были надежды на царскую милость. Это обусловило ироничную тональность блудовского текста и его стремление представить декабристов не столько закоренелыми злодеями, сколько слабоумными невеждами. Так, например, читателю сообщается, что в «Русской правде» Пестеля «обнаруживается едва вероятное и смешное невежество» (XVII, 35). Явно неслучайно большое внимание в сравнительно небольшом по объему «Донесении» уделяется такой случайной в декабризме фигуре как полковник А.М. Булатов. Товарищ Рылеева по кадетскому корпусу, с которым они не виделись много лет с самого окончания учебы и случайно встретились в театре за несколько дней до восстания, Булатов там же, в театре, был принят своим приятелем в тайное общество. 12 декабря на квартире Рылеева, где обсуждался план восстания, Булатов пытался оспорить у Трубецкого звание «диктатора». Ему уже мерещилась карьера русского «революциониста», превосшедшего Брута и Риго. Правда, признается Булатов, «имена сии я не так хорошо знал по их деяниям, как по беспрестанным произношениям меньшего брата моего» (XVIII, 299)⁹. Но в итоге он, как и Трубецкой, на площадь не явился. Зато на следующий день, 15 декабря, отправился во дворец каяться перед царем и заодно выразить восхищение его действиями 14 декабря. Себя он просил Николая не простить, а расстрелять. Николай выслушал его признание, расцеловал и отправил в Петропавловскую крепость, где еще до начала допросов Булатов покончил жизнь самоубийством, разможжив себе голову о стену каземата. Ироничный Блудов не мог оставить без внимания такого трагикомического персонажа. Булатов в его изображении — «не злой, а слабоумный человек» (XVII, 55). Вместе с тем он является воплощением верности и раскаяния:

Он, однако же, не был злодеем, по крайней мере, закоренелым: волнение страстей скоро в нем затихло; он начал удостоверяться в лживости дошедших до него слухов, наконец, пришел во дворец, был допущен к вашему величеству и первый взгляд ваш обезоружил его. С сей минуты до того времени, когда новый припадок прежней болезни лишил его сил и жизни (19 генваря сего года), он беспрестанно терзался воспоминанием своего страшного, дотоле никому не известного умысла, воспоминанием самых знаков оказанного ему милосердия, но утолял муку совести признаниями, совершенно добровольными, ибо он даже не был допрашиваем, и умирая, смело завещал участь детей монарху, на коего мыслил поднять руку¹⁰.

Этими словами заканчивается описание событий 14 декабря, и таким образом фигура несчастного полковника становится едва ли не символом всего движения.

Если бы Николай простил декабристов, то и «Донесение» имело бы совершенно иной смысл. А если бы читатель того времени имел возможность ознакомиться со следственными делами, то оно могло бы показаться вполне «объективным» документом. Ироничный текст, написанный бойким пером

9 Возможно, сочетание этих имен Булатову было навеяно строкой Рылеева: «В них не найдут ни Брута, ни Ригои».

10 Там же. С. 59.

бывшего арзамасца¹¹, плохо соотносился со смертным приговором, пожизненной каторгой и другими сроками заключения для 120 человек. Серьезность приговора сама собой опровергала несерьезность «Донесения». Сама реакция как бы подсказывала необходимость создания новой версии, которая смогла поменять местами судей и подсудимых. В этой связи особый интерес вызывают два опровержения «Донесения», созданные в разное время, в разных местах и с разными намерениями участниками движения — Н.И. Тургеневым и М.С. Луниным.

* * *

Опровержению «Донесения» Тургенев с 1826 по 1830 год посвятил серию т. н. «оправдательных записок»¹², две из которых написаны на русском языке и рассчитаны на русское правительство. Первая из них появилась еще до окончания процесса и приобщена к делу Тургенева. Вторая писалась уже после опубликования «Донесения следственной комиссии» и представляет собой обширный текст, с приложением таблицы из трех колонок: «Обвинения в решении верховного уголовного суда, означенные», «Показания, по сим обвинениям в записке Комиссии изложенные» и «Доказательства». Это «записка» писалась с участием А.И. Тургенева и В.А. Жуковского и была рассчитана если не на оправдание, то во всяком случае на помилование Тургенева, что его скорее

-
- 11 Неслучайно бывший статс-секретарь Екатерины II А.М. Грибовский в своем дневнике назвал «Донесение» Блудова «романтическим», подчеркнув тем самым его художественную природу, а издатель дневника Н.П. Барсуков, подтверждая такую характеристику, сделал примечание: «Сам Д.Н. Блудов отчасти придавал такое значение своему донесению. Нам и многим другим неоднократно случалось слышать от него (уже в царствование Александра Николаевича), что он имел целью изобразить участников мятежа несколько в смешном виде как людей, не дававших себе отчета в своих поступках. Строгое наказание, их постигшее, было, по его словам, неожиданностью для него, и полученную им Анненскую ленту называл *на ценю крови*» (*Грибовский А.М.* Воспоминания и дневники // *Екатерина II: искусство управлять* / Ред. А.Б. Каменский. М.: Фонд Сергея Дубова, 2008. С. 306). О стилистических особенностях «Донесения» см.: *Калашиков М.В.* Указ. соч. С. 96–113; *Майофис М.Л.* Воззвание к Европе. Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 348–372.
 - 12 Анализ этих записок неоднократно предпринимался исследователями: *Тарасов Е.И.* Николай Иванович Тургенев в Александровскую эпоху. Очерки по истории либерального движения в России. Самара: Самарский государственный университет, 1923. С. 399–447; *Шебунин А.Н.* Н.И. Тургенев в тайном обществе декабристов // *Декабристы и их время*. Т. 1. М.: Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1932. С. 109–147. *Заозерский А.И.* Вторая оправдательная записка Н.И. Тургенева // *Памяти декабристов*. Сб. материалов. Т. 2. Л.: Издательство АН СССР, 1926. С. 99–163; *Тарасова В.М.* Происхождение либеральной концепции декабризма // *Историки и история*. Историография истории СССР. Сб. статей. М.: Наука, 1965. С. 313–333; *Пугачев В.В.* Изображение декабристов Н.И. Тургеневым и английское правосознание // *Россия. Запад. Восток. Встречные течения*. К 100-летию со дня рождения академика М.П. Алексева. СПб.: Наука, 1996. С. 352–361; *Шёнле А.* Эмоциональная, моральная и идеологическая амбивалентность изгнания: Николай Тургенев и перформанс политической эмиграции // *Век диаспоры: Траектории зарубежной русской литературы (1920–2020)* / Под ред. М. Рубинс. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 52–89.

всего не устроило, и сам он этой «запиской» остался недоволен¹³. Две последующие «записки» написаны по-французски, одна — самим Тургеневым, другая — известным французским юристом и общественным деятелем О.-Ш. Ренуаром, и рассчитаны: первая — на посмертное распространение, а вторая, вероятно, связана с желанием Тургенева оправдаться в глазах отца своей английской невесты¹⁴. К числу этих записок следует прибавить и записку Жуковского, хлопотавшего перед Николаем за Тургенева¹⁵. Все эти записки подчинены вполне практической цели — снять с себя обвинение в государственном преступлении. Придавать им публичный характер по крайней мере при своей жизни Тургенев не собирался.

Спустя пятнадцать лет, когда уже его братьев не было в живых, Тургенев придал гласности историю своего неудачного оправдания в глазах русского правительства. К этому времени он уже смирился с положением эмигранта, жил во Франции без риска быть выданным русскому правительству, был женат, имел двоих детей. Работая над книгой «Россия и русские», Тургенев составил новую оправдательную записку, но уже не с целью добиться официального оправдания на родине, а представить европейскому и (по возможности) русскому читателю несправедливость вынесенного ему приговора и вместе с тем продемонстрировать несовершенство русской судебной системы. В результате читатель должен был понять, почему, при всей очевидной невинности Тургенева, ему так и не удалось оправдаться. Помимо чисто субъективных причин: пристрастности и некомпетентности судей, которые «ограничились поверхностным рассмотрением дела и составили свое мнение, так сказать, с налета»¹⁶, Тургенев указывает и более общую причину — «неразвитость страны и людей. Дикарь не понимает, почему в хорошо устроенных государствах правосудие окружено множеством формальностей, а обвиняемым представлено столько гарантий»¹⁷. Трудно сказать, несправедливость ли приговора повлияла на формирование тургеневской концепции декабризма как ничтожного явления, или, наоборот, недооценка движения повлияла на уверенность в невинности большинства его участников. В марте 1827 года, когда еще оставались надежды на оправдание, Тургенев в письме к брату Александру, который вместе с Жуковским требовал от него усилить доказательства, напомнил им о презумпции невинности:

Меня удивляют ваши слова о необходимости юридических доказательств для убеждения государя. Те, кои могут быть убеждены доводами юриспруденции, должны знать, что доказательства лежат не на обязанности обвиняемого. Против меня ничего не доказано, но представляются только обстоятельства обвинительные. На сии обстоятельства я отвечаю, изъясняю все дело. Если мои объяснения

13 Заозерский А.И. Указ. соч. С. 100.

14 Подробнее см.: Мильчина В.А. Удачные последствия неудачного сватовства: Н.И. Тургенев в Англии (1829–1830) // Slavica Revalensia. 2022. № 9. С. 39–70.

15 Подробнее см.: Гузацров Т. Способы трансформации фактов в «Записке о Н. Тургеневе» В.А. Жуковского // Лотмановский сб. 3. / Ред. Л.Н. Киселева, Р.Г. Лейбов, Т.Н. Фрайман. М.: ОГИ, 2004. С. 961–974; Борисова Т.Ю. Когда велит совесть: Культурные истоки Судебной реформы 1864 года в России. М.: Новое литературное обозрение, 2025. С. 226–236.

16 Тургенев Н.И. Россия и русские / Пер. с фр. и ст. С.В. Житомирской, коммент. А.Р. Курилкина. М., 2001. С. 91.

17 Там же. С. 92.

покажутся недостаточными, то никакие доводы не помогут. Вообще, в моем деле, я думаю лучше употреблять доводы логики, простого, здравого смысла, нежели доводы юриспруденции, о которых у нас не имеют понятия¹⁸.

«Доводы юриспруденции» говорят, что быть членом тайного общества, созданного с филантропическими целями, не является преступлением, так как само общество не имеет серьезного политического характера. Отсутствие состава преступления лишает его того исторического значения, которое могло бы иметь общество, действительно готовящее государственный переворот. Но, в отличие от Европы, в русском судопроизводстве презумпции невиновности не существует. Подозрение почти автоматически означает обвинение, а обвинение почти неизбежно приводит к наказанию. Поэтому Тургенев рассматривает возможность оправдания с точки зрения логики и здравого смысла. Он — видный государственный чиновник, занимающий ответственный пост в Государственном совете, всегда и везде открыто проповедует свои взгляды. Обличает крепостников, которых он именуется «хаммами», и врагов просвещения, которых называет «гаильниками». Тайное общество, в котором он состоит, явно тяготеет к публичности, и даже его члены собираются получить разрешение царя на его деятельность. Царь знает о существовании общества и не предпринимает никаких мер. Простая логика не позволяет в этом видеть состава преступления. Рассуждая таким образом, Тургенев не мог не понимать, что подобная тактика построена на умолчании и искажении фактов. Исходя из нее невозможно объяснить, каким образом 120 «филантропов» оказались в Сибири, не говоря уже о пятерых повешенных. У следователей также была своя логика: если человек признает свою вину, значит, он виновен. Поэтому в книге «Россия и русские», где процесс декабристов помещен в контекст рассуждений о необходимости судебной реформы в России, Тургенев в своей оценке декабристского движения встает на правовую точку зрения и переключает внимание читателя с исторической истины (как это было на самом деле) на юридическую — было ли его участие в заговоре доказанным и является ли его членство в тайном обществе преступлением? Речь идет не об «исповеди» перед читателем, а о восстановлении собственной репутации, пострадавшей в ходе пристрастного и не объективного расследования.

«Оправдательная записка», включенная в текст «России и русских», состоит из трех частей. В первой речь идет о Союзе благоденствия — единственном тайном обществе, о котором следствие располагало материальными доказательствами в виде его устава. Однако из самого факта существования устава еще не следует, что он исполнялся. Никаких доказательств этому в «Донесении» не приводится. Следствию удалось установить только то, что сам устав общества «соответствовал его названию» и «не заключал в себе ничего противозаконного», и даже «некоторые участники общества предлагали испросить разрешение императора на его существование»¹⁹.

Вторая часть посвящена событиям, случившимся после роспуска Союза благоденствия. Тургенев показывает, что никакими достоверными свидетельствами о существовании тайных обществ после 1821 года, когда был распущен Союз благоденствия, следствие не располагало. Суду не было представлено ни

18 Русская старина. 1901. Т. 16. Май. С. 273.

19 Тургенев Н.И. Россия и русские... С. 104–105.

устава, ни программы, ни свидетельств о какой-либо деятельности нового общества, за исключением отдельных разговоров отдельных лиц о возможности его составить. Сами названия «Северное» и «Южное» общества возникли в ходе следствия²⁰. Все разговоры о конституции, республике, царевубийстве и пр. если и велись, то велись отдельными лицами в неформальной обстановке. Тургенев не отрицает, что по российским законам за эти разговоры положена смертная казнь. Однако, ссылаясь на законодательство «цивилизованных стран», в которых намерение, не приведенное в действие, не может служить основанием для смертного приговора, а если оно было оставлено еще до его обнаружения, вообще не подлежит уголовному преследованию, Тургенев показывает незаконность самих российских законов. Но (в любом случае) эти разговоры сами по себе еще не свидетельствуют о существовании тайного общества. Точно так же не является доказательством его существования и подготовка восстания. Речь в данном случае может идти только о заговоре «отдельных лиц, способных возыметь такие намерения». Причем эти лица даже в том виде, в каком изображает их «Донесение», «смотрели друг на друга как на самохвалов, яростных на словах, а не на деле (с. 77). Свои намерения, как бы преступны они ни были, они даже не пытались привести в исполнение, и постепенно, одно за другим, эти намерения оставляли»²¹. Обвиняемых объединяли не устав и не принципы тайного общества, а всего лишь «общность мнений» и «сходство воззрений».

Третья часть записки посвящена восстанию 14 декабря и предшествующим событиям. Тургенев решительно опровергает всякую связь между тайными обществами, восстанием на Сенатской площади и восстанием Черниговского полка. При этом речь идет не о том, была ли эта связь в действительности или нет, а о том, что следствием не было получено никаких юридических доказательств этой связи. Следовательно, можно утверждать, что тайное общество не готовило ни восстания на Сенатской площади, ни восстания Черниговского полка. Более того, Тургенев утверждает, что «восстание произошло *не потому, что* существовали тайные общества, а *несмотря на то*, что они существовали»²². Тайное общество было создано для «содействия правительству во всех его начинаниях, направленных к искоренению злоупотреблений и к общественной пользе»²³, но даже в этом формате оно не соответствовало своей задаче, и здесь Тургенев, ссылаясь на слова А. Бестужева, взятые из «Донесения»: это было «простым времяпрепровождением»²⁴, и в этом отношении оно не заслуживает ни похвал, ни осуждений:

«Ответственность за декабрьское восстание 1825 года несут только те, кто каким-либо образом принял в нем участие. Лица же, которые ничего не знали и не могли знать об этом восстании, вообще не должны были привлекаться к ответственности в сем процессе»²⁵.

20 *Потанова Н.Д.* «Что есть истина?». Критика следственных показаний и смена исторических парадигм (Еще один взгляд на проблему «движения декабристов») // Исторические записки. 2000. № 3 (121). С. 306–313.

21 *Тургенев Н.И.* Россия и русские... С. 138.

22 Там же. С. 147.

23 Там же. С. 158.

24 Там же. С. 144.

25 Там же. С. 159.

Таким образом, восстание явилось не результатом действия тайного общества, которое либо бездействовало, либо вообще к тому времени не существовало, а стало следствием междоусобицы:

Достаточно немного здравого смысла, чтобы понять, что здесь нет ни общества, ни его членов — ни простых, ни главных. Около двенадцати человек, видя, что вопрос о престолонаследии находится в неопределенном положении, хотят воспользоваться этой неопределенностью, они делятся друг с другом взглядами, принимают решение и немедленно приводят его в исполнение. И все — первоначально мысль, согласие, решение, исполнение, именно все, повторяю — происходит в течение двух дней, с 12 по 14 декабря. Таковы факты, простые и истинные; остальное — чистейший вымысел²⁶.

Цель восстания — не царевубийство и не установление республики:

Заговорщики, предпринимая восстание, предполагали добиться для России конституционной, представительной формы правления с сохранением монархии и даже намеревались предоставить решение о новом политическом строе депутатам от всего народа, которых после победы восстания немедленно для этого созовут²⁷.

Конечно, это не снимает с них юридической вины, но это оправдывает их перед судом истории:

Перед потомством предстанет возвышенная цель, к которой стремились участники этой драмы, их бескорыстные усилия и полная самоотверженность. Если и мелькнет где-нибудь темная тень, то она исчезнет перед величием предпринятого дела, перед светом принесенных жертв и через сто лет эшафот станет пьедесталом для изваяний мучеников²⁸.

Таким образом Тургенев противопоставляет тайное общество и восстание на Сенатской площади. В первом случае он не видит состава преступления, и само общество ему представляется «безобидным» и «несерьезным», созданным «несомненно, почтенными и благонамеренными, но недостаточно серьезными людьми». Впрочем, он не отрицает закономерности появления тайных обществ в России, где встают «трудности на пути того, кто хочет выразить свои мысли. Тот, кто желает говорить свободно и при этом не подвергать себя опасности, вынужден не только делать это в узком кругу, но и тщательно выбирать лиц этот круг составляющих»²⁹. Но это еще не делает такие общества ни преступными, ни полезными.

Другое дело — открытое восстание против «беззакония» власти во имя «свободы», охраняемой законами. Оно было стихийно и неподготовлено, что свидетельствовало не в пользу тайного общества, не замышлявшего ничего подобного, но это стало проявлением личностного героизма его участников: «У свободы, как и у религии, были свои мученики, будут они и впредь»³⁰.

Тургенев готов признать героизм участников восстания на Сенатской площади и предоставить им место в истории с благодарностью потомков, не сни-

26 Там же. С. 152.

27 Там же. С. 155.

28 Там же. С. 171.

29 Там же. С. 56.

30 Там же. С. 111.

мая, впрочем, с них уголовной ответственности в соответствии с российским законодательством. Что касается тайного общества и самого движения декабристов, то с них снимается уголовная ответственность, но и места в истории они не получают.

* * *

М.С. Лунин создавал свою концепцию декабризма во второй половине 1830-х годов, после оправдательных записок Тургенева, содержание которых ему было неизвестно, и до появления «России и русских», вышедших уже после его смерти. В отличие от большинства декабристов, он не раскаивался в своем участии в тайном обществе, а в отличие от Тургенева, не собиравался в нем оправдываться и доказывать свою невиновность. Он один из немногих декабристов, кто не раскаивался в своем участии в движении и даже просил следователей не ставить ему в оправдание его вынужденное «отдаление <...> от Тайного общества и прекращение <...> с ним сношений; ибо я продолжал числиться в оном и при других обстоятельствах продолжал бы, вероятно, действовать в духе оногo» (III, 126)³¹.

Возможно, еще в Петропавловской крепости Лунин понял, что «тайное общество принадлежит истории»³². С этой фразы начинается цикл его политических сочинений, в которых ссыльный декабрист определяет место тайного общества в истории России. Этот цикл представляет собой трилогию, состоящую из «Взгляда на русское тайное общество с 1816 до 1826 года», с приложением «Розыска исторического»³³, «Разбора донесения тайной следственной комиссии государю императору в 1826 году» и «Общественного движения в нынешнее царствование», в котором показывается влияние идей тайного общества на политику Николая I. Первое сочинение написано на французском и русском языках, второе — на французском, английском и русском языках, а третье — только по-французски. Тексты эти были рассчитаны на публикацию в Европе и на их дальнейшее нелегальное проникновение в Россию в уже опубликованном виде. Русский вариант, видимо, был рассчитан на подпольное распространение списков внутри России.

Лунин не дифференцирует тайные общества. Он ведет речь о «Тайном обществе» (или «Тайном союзе») как феномене русской истории. Тургенев, как мы видели, говорит только о Союзе благоденствия, как единственном обществе, имеющем свой устав. Для Лунина наличие или отсутствие устава не является принципиальным моментом, так как он не считает нужным доказывать сам

31 О поведении Лунина на следствии см.: *Окунь С.Б.* Декабрист М.С. Лунин. 2-е изд., испр. и доп. Л.: Издательство ЛГУ, 1985. С. 90–113; *Эйдельман Н.Я.* Лунин. М.: Молодая гвардия, 1970. С. 104–214.

32 *Лунин М.С.* Письма из Сибири / Изд. подгот. И.А. Желвакова, Н.Я. Эйдельман; [Отв. ред. Д.В. Ознобишин]. М.: Наука, 1987. С. 55.

33 С.Б. Окунь считал «Розыск исторический» отдельным сочинением Лунина, написанным в первой половине 1838 г., первым в этом цикле сочинений (*Окунь С.Б.* Ук. соч. С. 179). Однако Н.Я. Эйдельман убедительно показал, что «Розыск» непосредственно связан со «Взглядом на русское тайное общество» и является историческим комментарием к основному тексту (*Эйдельман Н.Я.* М.С. Лунин и его сибирские сочинения // Лунин М.С. Письма из Сибири. С. 319–325).

факт существования тайных обществ. В отличие от Тургенева, он не стремится преуменьшать значения этих обществ. Он дает суммарную картину Тайного общества и приписывает ему единую программу: «твердые законы, юридическое равенство граждан, гласность судопроизводства, прозрачность государственных расходов, ликвидация винных откупов, сокращение сроков военной службы, уничтожение военных поселений и т. д.»³⁴ Все меры были направлены на то, чтобы сравняться с «народами, находящимися в главе всемирного семейства», т. е. англичанами и французами, но при этом «охранять Россию от междоусобных браней и от судебных убийств³⁵, ознаменовавших летописи двух великих народов»³⁶.

Значение Тайного общества Лунин видит в обличении самодержавия как несоответствующей настоящему состоянию России формы правления. Состоять в Тайном обществе он считал своим долгом и видел его в том, чтобы «платить за выгоды, которые доставляют им <высшим сословиям — В. П.> совокупные усилия низших сословий»³⁷. В этом смысле «Тайное» общество руководилось мудростью и было по сердцу народу»³⁸.

Правовая несостоятельность следствия и суда над декабристами для Лунина столь же очевидна, как и для Тургенева. Однако если Тургенев в первую очередь обеспокоен доказательством собственной невиновности и невиновности своих товарищей, то Лунина интересует «истина, необходимая для всех человеков и для всякого времени»³⁹.

Тайное общество для него является неотъемлемой частью русской истории, оно «связуется с политическими сообществами, которые одно за другим, в продолжении более века, возникали с тем, чтобы изменить формы самодержавия»⁴⁰. К этому месту дается обширное историческое примечание, определяющее место Тайного общества в истории России. Это примечание находится в некотором противоречии⁴¹ с предшествующим ему «Розыском историческим», где декабристы, подобно английским баронам, впервые открыто выступают против самодержавия, принесенного на Русь норманнами. Теперь речь идет о свободах, существовавших в древней Руси, в виде народного вече, избирательных чиновников, суда присяжных⁴². Слово «самодержец», как считают Лунин и Муравьев, впервые появляется «в грамотах Шуйского», хотя сам он «присягнул в 1606 году Думе Боярской». Правление Ивана Грозного —

34 Там же. С. 54.

35 Имеются в виду революции и казни Карла I и Людовика XVI.

36 *Лунин М.С.* Ук. соч. С. 69–70.

37 Там же. С. 55.

38 Там же. С. 54.

39 Там же. С. 67.

40 Там же. С. 68.

41 Возможно, автором примечания был Никита Муравьев, помогавший Лунину в его работе (см.: *Эйдельман Н.Я.* М.С. Лунин и его сибирские сочинения. С. 323).

42 О суде присяжных в эпоху Ивана Грозного писал и Тургенев: «В своде законов царя Ивана (Судебник) еще упомянут институт *присяжных*» (*Тургенев Н.И.* Россия и русские... С. 290). Источником подобных сведений в обоих случаях является текст Судебника 1550 года, вероятно в изложении Карамзина: «А без Целовальников и Наместником и Волостелем не судити» (*Карамзин Н.М.* История Государства Российского. М.: Наука, 1989. Кн. 2. Т. 8 (Примечания). Стб. 32). Тургенев отождествляет присяжных с целовальниками, «то есть людьми, целовавшими крест, иными словами, принимавшими клятву, принимавшими присягу» (*Тургенев Н.И.* Россия и русские... С. 241).

«тиранство, а не самодержавие»⁴³. При первых Романовых, вступивших на престол по воле народа, «изъявленной Великою Земскою Думою», вопросы внешней и внутренней политики «рассматривались в Государственных Соборах представителями всей России»⁴⁴.

Самодержавие в России начинается с Петра I, а история противостояния общества и власти — с правления Анны Иоанновны. Сначала верховники, затем уже при Екатерине II Новиков, Княжнин, Радищев, Никита Иванович Панин, Фонвизин, при Павле — Никита Петрович Панин, граф Пален «хотели водворить конституцию»⁴⁵, при Александре — Валериан Зубов и Сперанский. «Из сего следует, — заключают Лунин и Муравьев, — что все люди отличные в России видели и чувствовали несовершенство существующего порядка и стремились во все времена, явно или скрытно, к достижению цели Тайного союза»⁴⁶.

Таким образом, Тайный союз — не отдельное явление, а этап «общественного преобразования, которое уже издавна совершается у нас». Его законность основана, с одной стороны на «потребностях народа», а с другой стороны, на «обетах власти», т. е. на публичных заверениях Александра I «даровать благотворное конституционное правление всем народам, проведением мне вверенным»⁴⁷. Тайный союз является закономерным этапом мирового процесса, направленного к свободе. Поэтому не было никакой необходимости покушаться на царствующих лиц. Лунин не отрицает самого факта подобных разговоров, но отрицает их связь с целями и задачами Тайного общества.

Как и Тургенев, Лунин противопоставляет Тайное общество и заговор 14 декабря 1825 года, но смысл этого противопоставления у него совершенно другой. У Тургенева, как мы видели, ничтожное значение Союза благоденствия противопоставляется героическому порыву восставших. У Лунина — закономерный и благотворный для России характер Тайного общества противопоставляется случайному и неподготовленному выступлению 14 декабря. Попытку переворота совершили не люди, имеющие большой политический стаж в обществе, а новички, «не успевшие еще приобрести опытность в делах». Лунин не отрицает героизма восставших, даже готов признать, что само восстание — «это шаг на политическом поприще», но отрицает то, что они действовали в духе Тайного общества: «Дух Тайного союза мгновенно сменился духом восстания»⁴⁸.

Дух Тайного союза — это сама история, которая неудержимо идет вперед, и даже правительство постепенно пропитывается этим духом, который «проявляется в сущности каждого правительственного постановления и в каждом замечательном событии последнего десятилетия»⁴⁹. К числу таких постановлений и событий Лунин относит: свод законов, отмечая при этом, что декабристы предлагали идти дальше и составить «кодекс, отвечающий нуждам государства и соответствующий успехам современной цивилизации»⁵⁰, реформу армии, произведенную «согласно плану Пестеля», помощь грекам и вообще восточную политику Николая I, ставшую результатом «движения, начатого

43 Лунин М.С. Ук. соч. С. 76.

44 Там же. 77.

45 Там же. С. 79.

46 Там же С. 80.

47 Там же. С. 69.

48 Там же. С. 73.

49 Там же. С. 56.

50 Там же. С. 141.

Тайным обществом»⁵¹. Речь идет, конечно, не о том, что все эти правительственные мероприятия осуществились под непосредственным влиянием идей декабристов. Сам ход истории, в основе которого лежат идеи прогресса и свободы, оказывается сильнее постоянно возникающих на его пути преград. И там, где эти преграды обходятся или рушатся — там проявляется дух Тайного общества, воплощением которого является исторический прогресс.

Тайный союз, в представлении Лунина, — это важный этап русской истории, который продолжает традицию общественного сопротивления самодержавию и вместе с тем опережает свое время. «Пора прозреть, — пишет Лунин, — и отказаться от несправедливых предубеждений — против людей будущего»⁵².

* * *

Тургенев и Лунин, критикуя «Донесение следственной комиссии», создают глубоко различные концепции декабристского движения. Оба они противопоставляют тайное общество и заговор 14 декабря 1825 года. Оба показывают юридическую несостоятельность следствия и суда над декабристами. Но при этом тексты Тургенева — это речи адвоката, рассчитанные на суд присяжных. С юридической точки зрения вина Тургенева не доказана, как и не доказано существование тайного общества после 1821 года. Все выдвинутые против него обвинения строятся только на противоречивых показаниях других обвиняемых. Тургенева нельзя даже обвинять в том, что он был членом Союза благоденствия, так как само это общество не имело противоправительственного характера и фактически бездействовало. Таким образом, в представлении Тургенева, отождествление тайного общества и вооруженного восстания представляет собой фантом, созданный пристрастными следователями.

Позиция Тургенева (при всей внешней логике) в действительности весьма уязвима. Он отождествляет историческую истину и юридическую правду. По мере того, как судебная казуистика для сильных декабристов утрачивала актуальность, все больше возрастала потребность в формировании исторического значения движения. В этом отношении Тургенев потерпел двойную неудачу: он не сумел убедить Николая I в своей невиновности, и его версия декабризма была резко отрицательно воспринята бывшими товарищами по тайному обществу, уличавших его в «явной лжи» и в стремлении «порочить печатно своих собратьев»⁵³.

Лунин, в отличие от Тургенева, мыслит не в категориях права, а в категориях политической борьбы. С точки зрения самодержавия он вполне закономерно является государственным преступником и скорее гордится этим, чем сокрушается:

Как человек я всего лишь бедный изгнанник; как личность политическая я являюсь представителем системы, которую легче упразднить, чем опровергнуть <...> Выдающиеся люди эпохи оказались в сибирской ссылке, ничтожества во главе событий⁵⁴.

51 Там же. С. 142.

52 Там же. С. 141–142.

53 Волконский С.Г. Записки. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1991. С. 374–375.

54 Лунин М.С. Указ. соч. С. 211; 215.

Принадлежность к определенной политической системе для Лунина служит критерием, позволяющим отличить истинного политика от «политика поневоле»⁵⁵. Говоря о незаконности самодержавия, когда-то насильственно навязанной народу политической системы, Лунин не одобряет революционные способы борьбы. Он оппозиционер, а не революционер⁵⁶: «Я не участвовал ни в мятежах, свойственных толпе, ни в заговорах, приличных рабам. Единственное оружие мое — мысль, то в ладу, то в несогласии с движением правительственным, смотря по тому, как находит она созвучия, ей отвечающие»⁵⁷. Борьба против правительства не должна вестись на уничтожение и не должна выходить за рамки законности, поэтому революционный путь исключается: «влияние власти должно, в конце концов, уступить влиянию общественного мнения»⁵⁸.

Борьба Тургенева за собственное оправдание — это взгляд из Европы, с позиций европейского права, которое, несмотря на порой существенное внутреннее различие между странами, коренным образом отличалось от русского права. При этом ни у кого не возникало вопроса, насколько правомерен такой подход в принципе. Для первых «адвокатов» Тургенева, его брата Александра и Жуковского, это было несущественно, так как они верили в его невиновность и рассчитывали не столько на правосудие, сколько на царскую милость, которая в России являлась частью судебной системы. У более поздних читателей Тургенева тоже не возникало такого вопроса в силу того, что судебная реформа хоть и задним числом, но показала юридическую несостоятельность процесса декабристов. Историки могут сколько угодно спорить, и спорят⁵⁹ о том, насколько адекватно Тургенев изображает декабристов в своих сочинениях. При этом все считают его родоначальником либеральной концепции декабристского движения, не обращая внимания на то, что само движение он отрицал.

Лунин смотрит на процесс декабристов из Сибири. Юридическая неосновательность этого приговора для него очевидна, но не очень интересна. Для него важнее суровость наказания, которая прямо пропорциональна историческому значению всего движения. Именно Лунин должен по праву считаться основателем либеральной версии декабризма. Во всяком случае, он первый поставил вопрос о месте декабристов в русской истории и показал его сложное переплетение с политикой Александра I и Николая I. Тургенев дожил до воплощения своих идеалов в жизнь, увидев своими глазами освобождение крестьян и судебную реформу, но он не склонен был связывать все это с историей декабристских организаций, которые продолжал считать чем-то несерьезным и эфемерным. Появление декабристской легенды, до которой ему также удалось дожить, вызывала у него раздражение⁶⁰.

«Юридическая» точка зрения Тургенева и «историческая» точка зрения Лунина не исключают, а дополняют друг друга. Тенденция Тургенева не выделять участников тайного общества на общем фоне эпохи Александра I не мо-

55 Перефразировка мольеровского «лекаря поневоле».

56 «Теперь в официальных бумагах называют меня: государственный преступник, находящийся на поселении. Целая фраза возле моего имени. В Англии сказали бы: Лунин, член оппозиции» (*Лунин М.С.* Указ. соч. С. 6).

57 Там же. С. 6.

58 Там же. С. 203.

59 См.: *Пугачев В.В.* Ук. соч. С. 352.

60 См.: Н.И. Тургенев — Герцену / Публ. Ю.Г. Оксмана // Литературное наследство. Т. 62: Герцен и Огарев. П. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 583–590.

жет быть отвергнута уже в силу того, что вопрос о границах декабризма ставит нас в трудное положение. Отождествлять декабризм с формальным членством в тайном обществе неправомерно и не нужно. Но еще менее правомерно было бы отрицать само движение, это означало бы отрицать значительный пласт русской культуры, которую представить без декабризма невозможно.

Библиография / References

- Борисова Т.Ю.* Когда велит совесть: Культурные истоки Судебной реформы 1864 года в России. М.: Новое литературное обозрение, 2025.
(*Borisova T.Yu.* *Kogda velit sovest': Kul'turnyye istoki Sudebnoy reformy 1864 goda v Rossii.* Moscow, 2025.)
- Готовцева А.Г., Киянская О.И.* Движение декабристов в государственной пропаганде 1825–1826 гг. // *Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы* / Отв. ред. О.И. Киянская. М.: РГГУ, 2008. С. 447–493.
(*Gotovtseva A.G., Kiyanskaya O.I.* *Dvizheniye dekabristov v gosudarstvennoy propagande 1825–1826 gg.* // *Dekabristy. Aktual'nyye problemy i novyye podkhody* / Ed. by O.I. Kiyanskaya. Moscow, 2008. P. 447–493.)
- Гузаиров Т.* Способы трансформации фактов в «Записке о Н. Тургеневе» В.А. Жуковского // *Лотмановский сб. 3.* / Ред. Л.Н. Киселева, Р.Г. Лейбов, Т.Н. Фрайман. М.: ОГИ, 2004. С. 961–974.
(*Guzairov T.* *Sposoby transformatsii faktov v «Zapiske o N. Turgeneva» V.A. Zhukovskogo* // *Lotmanovskiy sb. 3.* / Ed. by L.N. Kiseleva, R.G. Leybov, T.N. Frayman. Moscow, 2004. P. 961–974.)
- Заозерский А.И.* Вторая оправдательная записка Н.И. Тургенева // *Памяти декабристов. Сб. материалов. Т. 2.* Л.: Издательство АН СССР, 1926. С. 99–163.
(*Zaozerskiy A.I.* *Vtoraya opravdatel'naya zapiska N.I. Turgeneva* // *Pamyati dekabristov. Sb. materialy. Vol. 2.* Leningrad, 1926. P. 99–163.)
- Калашников М.В.* Д.Н. Блудов — автор «Донесения Следственной комиссии» по делу декабристов // *Духовная сфера деятельности человека. Вып. V.* Саратов: Сигма-плюс, 2001. С. 96–113.
(*Kalashnikov M.V.* *D.N. Bludov — avtor «Doneseniya Sledstvennoy komissii» po delu dekabristov* // *Dukhovnaya sfera deyatel'nosti cheloveka. Vol. V.* Saratov, 2001. P. 96–113.)
- Майофис М.Л.* Воззвание к Европе. Литературное общество «Аразмас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
(*Mayofis M.L.* *Vozzvaniye k Yevrope. Literaturnoye obshchestvo «Arazmas» i modernizatsionnyy projekt 1815–1818 godov.* Moscow, 2008.)
- Мильчина В.А.* Удачные последствия неудачного сватовства: Н.И. Тургенев в Англии (1829–1830) // *Slavica Revalensia.* 2022. № 9. С. 39–70.
(*Mil'china V.A.* *Udachnyye posledstviya neudachnogo svatovstva: N.I. Turgenev v Anglii (1829–1830)* // *Slavica Revalensiya.* 2022. No. 9. P. 39–70.)
- Окунь С.Б.* Декабрист М.С. Лунин. 2-е изд., испр. и доп. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985.
(*Okun' S.B.* *Dekabrist M.S. Lunin.* 2nd ed. Leningrad, 1985.)
- Потанова Н.Д.* «Что есть истина?». Критика следственных показаний и смена исторических парадигм (Еще один взгляд на проблему «движение декабристов») // *Исторические записки.* 2000. № 3 (121). С. 286–329.
(*Potapova N.D.* *«Chto yest' istina?».* *Kritika sledstvennykh pokazaniy i smena istoricheskoy paradigmy (Yeshche odin vzglyad na problemu «dvizheniye dekabristov»)* // *Istoricheskiye zapiski.* 2000. No. 3 (121). P. 286–329.)
- Пугачев В.В.* Изображение декабристов Н.И. Тургеневым и английское правосознание // *Россия. Запад. Восток. Встречные течения. К 100-летию со дня рождения академика М.П. Алексева.* СПб.: Наука, 1996. С. 352–361.
(*Pugachev V.V.* *Izobrazheniye dekabristov N.I. Turgenev i angliyskoye pravosoznaniye* // *Rossiya. Zapad. Vostok. Vstrechnyye yavleniya. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika M.P. Alekseyeva.* Saint Petersburg, 1996. P. 352–361.)
- Рудницкая Е.Л., Тартаковский А.Г.* Вольная русская печать и книга барона Корфа //

- 14 декабря 1825 года и его истолкователи (Герцен и Огарев против барона Корфа) / Изд. подг. Е.Л. Рудницкая, А.Г. Тартаковский; отв. ред. А.Г. Тартаковский. М.: Наука, 1994. С. 5–64.
- (*Rudnitskaya Ye.L., Tartakovskiy A.G. Vol'naya russkaya pechat' i kniga barona Korfa // 14 dekabrya 1825 goda i yego istolkovateli (Gertsen i Ogarev protiv barona Korfa) / Ed. by A.G. Tartakovskiy. Moscow, 1994. P. 5–64.*)
- Тарасов Е.И.* Николай Иванович Тургенев в Александровскую эпоху. Очерки по истории либерального движения в России. Самара: Самарский государственный университет, 1923.
- (*Tarasov Ye.I. Nikolay Ivanovich Turgenev v Aleksandrovskuyu epokhu. Ocherki po istorii liberal'nogo dvizheniya v Rossii. Samara, 1923.*)
- Тарасова В.М.* Происхождение либеральной концепции декабризма // Историки и история. Историография истории СССР. Сб. статей. М.: Наука, 1965. С. 313–333.
- (*Tarasova V.M. Proiskhozhdeniye liberal'noy kontseptsii dekabrizma // Istorii i istoriya. Istorioграфиya istorii SSSR. Sb. statej. Moscow, 1965. P. 313–333.*)
- Шебунин А.Н.* Н.И. Тургенев в тайном обществе декабристов // Декабристы и их время. Т. 1. М.: Всесоюз. о-во полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1932. С. 109–147.
- (*Shebunin A.N. N.I. Turgenev v taynom obshchestve dekabristov // Dekabristy i ikh vremya. Vol. 1. Moscow, 1932. P. 109–147.*)
- Шёнле А.* Эмоциональная, моральная и идеологическая амбивалентность изгнания: Николай Тургенев и перформанс политической эмиграции // Век диаспоры: Траектории зарубежной русской литературы (1920–2020) / Под ред. М. Рубинс. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 52–89.
- (*Schönle A. Emotsional'naya, moral'naya i ideologicheskaya ambivalentnost' isklyucheniya: Nikolay Turgenev i performany politicheskoy emigratsii // Vek diaspory: Trayektorii zarubezhnoy russkoy literatury (1920–2020) / Ed. by M. Rubins. Moscow, 2021. P. 52–89.*)
- Эйдельман Н.Я.* Лунин. М.: Молодая гвардия, 1970.
- (*Eidelman N.Ya. Lunin. M.: Molodaya gvardiya, 1970.*)
- Эйдельман Н.Я.* М.С. Лунин и его сибирские сочинения // Лунин М.С. Письма из Сибири / Изд. подгот. И.А. Желвакова, Н.Я. Эйдельман; [Отв. ред. Д.В. Ознобишин]. М.: Наука, 1987. С. 301–352.
- (*Eidelman N.Ya. M.S. Lunin i yego sibirskiyе sochineniya // Lunin M.S. Pis'ma iz Sibiri / Ed. by D.V. Oznobishin. Moscow, 1987. P. 301–352.*)